

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses on black stems with white leaves. The roses are stylized with multiple layers of petals, and the stems are thin and curved. The leaves are simple, pointed shapes.

Юрий Лузанов

Учительница нежная моя

12+

Юрий Лузанов

Учительница нежная моя

«Автор»

2021

Лузанов Ю.

Учительница нежная моя / Ю. Лузанов — «Автор», 2021

Ярослав уходит в армию, прощается со своей девушкой. И не подозревает, что у военкомата его тайно провожает бывшая школьная учительница. Неожиданная любовь и убийство в воинской части сплетаются в один узел...

© Лузанов Ю., 2021

© Автор, 2021

Юрий Лузанов

Учительница нежная моя

*Много раз я вскакивал, строился,
оторопело узнавал людей в форме –
своих бывших сослуживцев.
Я заговаривал с ними, и тягостный
ужас прорастал во мне:
«Боже мой, снова два года в армии.
За что?» Это чья-то ошибка,
думал я. Или война?!
К счастью, я просытался.*

Из признания бывшего солдата советской армии

1.

Кирзовый сапог шлепнул по луже, едва не задев червя. Но уже следующий шаг оказался роковым для целой семейки дождевиков. Топ-топ-топ-топ. На плацу подрагивал розовый фарш.

Подойдя к капитану, здоровенный сержант-альбинос небрежно поднес руку к шапке.
– ...варищ... тан..., – глотал звуки ветер. – ...звывая ...манда ...строена!

Новобранцы ежились от холода. Мимо протащился закопченный ПАЗ, обдав их душной гарью. Ярославу было на все плевать. Кроме лезущего за пазуху ледяного шупальца ноября, он не ощущал ничего.

Сержант куда-то убежал, гупая сапожищами. Капитан остался на плацу. Его воспаленные глаза и обглоданное худобой лицо намекали на какую-то скрытую болезнь. Сосредоточенный и угрюмый, капитан сгодился бы на роль Кощея.

У военкомата сновали люди, военные, штатские. Ярослав с удивлением узнал парня, который был с ним на медкомиссии. Они вместе входили в кабинет к тетке-венерологу. Парень ни капли не стеснялся, даже как будто фрондировал, спуская штаны.

Сейчас этот фрондёр беззаботно курил на крыльце военкомата. Что он там делает? Почему не в строю, сволочь?

Ярослав почувствовал хмурый толчок в бок: "Ты?"

– Молчанов! – порывисто плескалось над плацем.

– Я! – выпалил Ярослав, дивясь зычности собственной глотки.

Кошей стрельнул в него короткой очередью междометий.

– Спишь?

Экспресс переключки понесся дальше: «Нерух – я!.. Погодин – я!.. Рычков... Тищенко...»

Их заставили вывалить из рюкзаков вещи. Ярослав, морщась, пристроил с краю маслянистой лужи две банки тушенки, блокнот, туалетные принадлежности и прочие мелочи. Книжку стихов сжал в руках.

Когда до него дошла очередь, сержант-альбинос удивленно на него посмотрел. Вытащил из рук Ярослава книгу и полистал. Вернул с кривой ухмылкой. Изъял нож.

У других он тоже забирал ножи, открывалки-клювы и вообще все острое.

– Приказ военкома, – пояснил сержант. – В соседней области призывник проткнул себя вилкой. Пошел в поезде в сортир – и хлобысь в сонную артерию.

Кощей куда-то ушел, сводя руки над огоньком сигареты. Новобранцев распустили, их тут же облепили родственники.

Женя вынырнула откуда-то сбоку. Ярослав схватил ее за холодные руки. Попытался вспомнить какие-то подходящие слова. Язык буксовал, как у него, он словно отупел. Всматривался в нее, вбирал в память любимые черты. Выпуклые азиатские скулы. Влажно-серые глаза. Густые ресницы. Легкий пушок под носом.

Он коснулся её щеки, на которой розовел прыщик. Даже не прыщик, а маленький зародыш будущего воспаления. Когда он созреет, Ярослав будет уже далеко.

– А твоих родителей нет? – спросила она.

– Отец в срочной командировке, а мама с сестрой, она что-то приболела. Да мы простились уже.

Она затеребила хвост застёжки на его куртке. Неожиданно всхлипнула.

– Сейчас ты уедешь, а я пойду домой. И целых два года без тебя. Зачем тебе туда идти?

Он отвернулся.

– Мы уже говорили об этом. От двух поступлений в институт я совсем вымотался. Лучше уж послужу. Может, я хочу в армию!

– Дурак.

– Строиться у автобуса! – заорал альбинос с лычками.

Они поцеловались, и Ярослав пошел.

Новобранцы полезли в ПАЗ.

– Все сели? – прохрипел с передних сидений Кощей. – Колобов, проверь!

Сержант снова затеял переключку. Ярослава уже мутило от этих фамилий, постылых и раздражающих. А когда наконец автобус тронулся, Ярослав рванулся к выходу.

– Стойте, я вещи забыл!

Под всплески хохота и ругань Кощей он выскочил из автобуса и понесся к военкомату. Навстречу бежала Женя с его рюкзаком. Ярослав притянул ее к себе. Теперь он действительно уходил.

Вскочив в автобус, он оглянулся на зашипевшие челюсти дверей. Земля тронулась, где-то вдали мелькнули несколько лиц. Одно показалось знакомым, напомнив учительницу русского языка и литературы Ирину Леонидовну Стриж.

Конечно, показалось. Что ей делать у ворот военкомата? Будний день, она в школе на уроках. Когда-то Ирина Леонидовна ему нравилась. Но это было в другой жизни, классе в восьмом...

Ярослав Молчанов уходил в армию осенью 1989 года, под эхо микрофонных споров депутатов Верховного Совета и стрельбу в Нагорном Карабахе, металлический голос Цоя и стук шахтерских касок о мостовую, звон осмелевших церковных колоколов и шелканье нунчак в глухих дворах...

Fructus temporum

27 мая 1989

Из выступления на съезде Народных депутатов СССР ректора Московского государственного историко-архивного института Юрия Афанасьева:

«Так вот, уважаемое агрессивно-послушное большинство... давайте все-таки ни на минуту не забывать о тех, кто нас послал на этот Съезд. Они послали нас сюда не для того, чтобы мы вели себя благостно, а для того, чтобы мы изменили решительным образом положение дел в стране».

Ирина Леонидовна провожала уходящий автобус, стоя у киоска с проездными талонами. Подол плаща был изрядно забрызган, пришлось бежать.

Отпросившись у директора школы Померко (соврала, что надо с собакой к ветеринару), она понеслась через парк к автобусной остановке. С трудом втиснулась в неподатливую пассажирскую плоть. Наконец, выплунутая на тротуар, помчалась к военкомату.

На зеленых воротах алели две звезды. В щель Ирина Леонидовна рассмотрела, что солдаты уже садятся в автобус. Опоздала!

Но через минуту случилось чудо. Выехавший за ворота автобус вдруг резко затормозил, и из него выскочил Ярослав. Навстречу ему бежала Женя, его девушка. Ирина Леонидовна отвернулась от свирепого порыва ветра. А когда вновь посмотрела в их сторону, Ярослава уже не было...

Ирине Леонидовне было уже под тридцать. За семь лет работы в школе она успела понять, что ошиблась. Учительство надоело, опротивело. К склочной педагогической среде она не притерлась. С детьми было легче, но и они раздражали – тупостью, нерадивостью, нахальством. Если бы не редкие лучики юных талантов, давно бы ушла.

Хотя куда бы она подалась с дипломом педа? В гороно брали только по блату. Да и не рвалась она туда, совсем бы скисла от тоски методичек.

Класс Ярослава Молчанова был её первым выпуском. И в этом классе он был самым любимым её учеником. Даже больше. Намного больше.

Когда Ярослав окончил школу, примерно полгода она чувствовала щемящее чувство утраты, словно от смерти любимой собаки. Её задумчивая рассеянность удивляла коллег и вызывала насмешки учеников.

Полтора года с тех пор, как Ярослав окончил школу №5, Ирина Леонидовна старалась держать его в поле зрения. Она знала, что он провалился на экзаменах в театральный институт, и это вызвало в ней смешанные чувства – обиду и в то же время радость оттого, что он не уехал в Москву. Она знала, что он устроился рабочим на электромеханический завод и готовится к новому поступлению в вуз.

На этот раз его понесло на философский факультет университета. Он снова не поступил и теперь уходил в армию.

К счастью, у Ирины Леонидовны в военкомате был хороший знакомец. Он сообщил день и время, когда была назначена отправка команды новобранцев, среди которых значился Ярослав.

Её тайная любовь к нему началась где-то в девятом классе. А может, и раньше. Постыдно-нежная любовь учителя к своему ученику.

Каждый урок в "А" классе стал для нее особенным. Она ждала этих уроков до судорог в лодыжках. И одновременно боялась их. Где-то посередине урока ей вдруг начинало казаться, что она чем-нибудь может выдать себя.

Мучительно дались несколько занятий, посвященных лирике Пушкина. Когда дошли до Онегина, она боялась цитировать письмо Татьяны и отдавала томик Леночке Канивец, которая прилежно читала: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала, Вся обомлела, запылала И в мыслях молвила: вот он!...»

Какое облегчение она испытала, когда они наконец перешли к Гоголю!

Ирина Леонидовна была красива. Что-то в ней было от Вивьен Ли – такое же открытое и чистое лицо, густые волосы. Придраться можно было разве что к широким бёдрам. Зато талия у нее была тоненькая. И весь стан – прямой и стройный, с большой грудью, которая вздымалась крутой волной.

Дважды ее звали замуж. Сначала коллега-историк, нескладный очкарик с нечленораздельной речью, посмешище старшеклассников. Потом – усатый трудовик, мешковатый человек в пыльном берете.

Это все было не то. Крамольное чувство к школьнику они задуть не смогли. Скорее распалили еще сильнее.

"Как он ко мне относится?" – часто думала она, расчёсывая в ванной перед зеркалом свою гриву.

Иногда ей казалось, что во взглядах Ярослава с третьей парты проскальзывает что-то мечтательно-заинтересованное. Она краснела, старалась не обращать внимание. Перестала его вызывать.

Но однажды в коридоре услышала, как кто-то из десятиклассников грубо о ней пошутил, и Ярослав покатился со смеху. Она разозлилась и вызвала его к доске, смяла придирчивыми вопросами. А потом всю ночь проплакала, лупила в пуховую подушку. Отец, помогая собирать пух, в недоумении ворковал. Ей впервые в жизни захотелось наброситься на него с кулаками. Она орала, как припадочная, будя соседей: «Меня тошнит от правильных слов! Мне 27 лет!»

Вспоминать об этом было стыдно и дико.

Ярослав окончил школу. У него появилась девушка Женя. Но у Ирины Леонидовны ревности не было. Была лишь тихая, покорная усталость. «Когда все это кончится? Когда пройдет?»

Не проходило.

Прошлой осенью, гуляя с собакой по парку среди ржавых кленов и каштанов, она увидела его с Женей. Ирина Леонидовна не успела рта раскрыть, как её сеттер Ким подбежал к парочке и сунулся лизать руки.

Нечего делать, пришлось знакомиться. Ярослав сумрачно рассказал, как пролетел мимо театрального института, куда он поступал на отделение критики. А Женя училась на первом курсе местного пединститута. В педу у Ирины Леонидовны были знакомые, разговор зацепился за них.

Ярослав похудел и осунулся. Ирина Леонидовна осторожно спросила, не нужно ли ему помочь с русским. Он грустно покачал головой.

Женя ушла, бежала на какой-то институтский вечер. Ярослав остался. В тот день он работал на заводе во вторую смену, надо было еще час где-то болтаться. Они побрели по аллее парка...

Ирина Леонидовна потом долго вспоминала эту прогулку. Шелестя листвой, Ким носился туда-сюда. Ярослав продолжал рассказывать ей о заводе, о противной бригадирше с железными зубами и волчьим взглядом. Бригадирша требовала, чтобы он выполнял план по закручиванию шурупов. За смену нужно было вкрутить 5 тысяч шурупов. А он едва успевал осилить 4 тысячи. Зубастая бригадирша ругалась.

– И что теперь? – спросила Ирина Леонидовна.

– Надеюсь поступить на философский, – ответил он, глядя Кима.

– А если не получится?

– Пойду в армию.

– Ты уверен, что тебе это нужно?

– Я не уверен, что мне нужно что-то другое.

Ирина Леонидовна узнала, когда кончаются его смены. Если у нее в это время не было уроков, она стала гулять в парке рядом с заводом. Без собаки. Неброско одевшись, проезжала на троллейбусе шесть остановок. Выходила и садилась в сквере недалеко от заводской проходной, надвинув на глаза головной убор и прикрывшись книгой.

Понимала, что это безумие. Но ничего не могла с собой поделать. Несколько раз у проходной Ярослав встречался с Женей.

Ирина Леонидовна находила какую-то странную, извращенную прелесть в том, чтобы жадно наблюдать за ними. Ярослав целовал Женю, та брала его за руку. Он что-то рассказывал, Женя смеялась.

Все это и ранило, и одновременно доставляло ей необъяснимое наслаждение. Как будто Женя была частью чувства Ирины Леонидовны к нему. Эта девушка по-своему вписывалась в контекст этого чувства. Была не столько соперницей, сколько *соучастницей и исполнительницей* её любви.

Fructus temporum

Сентябрь 1989

По просьбам телезрителей в СССР повторно показан сериал «Рабья Изаура», приковавшийся к экранам десятки миллионов советских граждан. С момента первого показа прошло всего полгода. Сериал о белой рабыне и богатом владельце плантации обсуждался дома, во дворах, на улицах, на работе, в транспорте, в очередях за маслом и колбасой...

3.

Команду новобранцев весь день промаяли на вокзале. Не было поезда. Когда же его дали, оказалось, что нет свободного вагона, а дополнительный цеплять никто не хотел.

Капитан куда-то бегал, с кем-то ругался. Сержант без конца строил новобранцев и проводил переключку. Они уже собирались ночевать на вокзале, как в десять вечера наконец подали состав до Минска...

К полуночи родной город остался далеко позади. Поезд ввинчивался в ночь, отбивая монотонную чечетку, унося новобранцев на север. Слева в окне красиво плавился закат.

Поневоле Ярослав прислушался к вагонным разговорам. Парни строили версии, куда их везут, пугали друг друга свирепыми байками об армейских порядках, похвалялись успехами у девушек. Кто-то в соседнем купе со знанием дела описывал, какое это удовольствие – курить драп. Втягивать в себя забористый дымок и потихоньку его выпускать, обалдевая и одуревая, а потом поймать момент перед самой *отключкой*.

Ярослав с изумлением взирал на несвежих новобранцев. Многие выглядели сущими дядьками – серые лица, морщинистые лбы. У одного придурковатого, откликавшегося на кличку "Фикса", во рту поблескивал золотой зуб.

Почти все они были с похмелья. Кто сколько накануне выпил – была одна из главных тем вагонной болтовни.

– А тебе какие проводы устроили? – ткнул Ярослава в плечо парень с лоснящейся рожей. – Клёво нажрался? Чё молчишь?

Ярослав с трудом сдержался, чтобы не дать ему в ухо.

– Нет.

– Ты прямо как нерусский, – хмыкнул лоснящийся.

Ощущение тоски усилилось.

Поезд пошел резвее, Ярослав некрепко задремал. Отделился от яви тонким слоем полупрозрачного облака. Сквозь дребезжащее стекло доносилось эхо вагонного бубнежа.

Очнулся он от запахов и звяков. В вагоне жевали, пили, чавкали, давились, икали, рыгали. Ярослав тоже почувствовал голод и достал рюкзак. Развязал кашлатые на концах тесемки, достал из шершавых глубин тушенку. Чтобы ее вскрыть, пришлось клянчить нож у сержанта и взрезать банку при нем.

Поев, Ярослав вынул пачку «Примы». Он не курил, но теперь чувствовал, что придется начать.

В тамбуре гулял ветер и неуютно ходил пол. Ярослав попытался затянуться этой самой «Примой». Прима, секунда, терция, кварта... Он вспомнил детство, музыкальную школу. Как это было давно. Десять лет назад он, восьмилетний пианист, на своем первом академическом концерте очаровал всю ДМШ №7 и прямо на сцене был завален цветами. Все словно с ума

сошли, только о нем и твердили. Даже заметка в местной газете вышла под заголовком "Его ждет слава". Автор сыпал комплиментами. Куда все это делось?

Хлопнула дверь тамбура. Рядом заколыхалось желвачное лицо Кощея.

– Дашь прикурить?

Ярослав дал. И сам осторожно вдохнул дым в легкие. Грудь остро спёрло и взорвало кашлем.

Капитан внимательно следил за его борениями. «Колобов прав, странный тип. Надо за ним понаблюдать», – подумал он.

После сигареты Ярослава развезло. Ему было и плохо, и приятно. Возникло ощущение, что он никуда не едет, что это то ли кино, то ли сон. Сказка об увлекательном путешествии по стране, с экскурсиями, походами, достопримечательностями. Этот человек в форме показался ему смешным. Зачем он напялил мундир? Ведь мы едем в музей.

– Снимите, – пролепетал Ярослав. – К чему вам эти погоны?

Капитан чуть не выронил сигарету.

– Боец, мы едем родину защищать!

Ярослав блаженно откинулся к тамбурной стене, холода которой не чувствовал.

– Тогда дайте мне коня. Меч, щит, кольчугу. У вас есть кольчуга?

– Чего?

– Ну, вот видите.

Ярослав свесил голову. Перед глазами блеснула бляха офицерского ремня. Его передернуло, и он грустно поник. Вспомнил, куда они направляются. Ни на какую ни на экскурсию.

Он отлип от тамбурной стены и вздохнул. Кощей что-то резко говорил. Грохотал словами, Ярослав не слышал. Накатила слабость, причем настолько тяжелая, что не было сил плестись в вагон.

Он посмотрел в окно. Летели сумеречные деревья, чертил симметричную синусоиду кабель электропередач. Взлетал и нырял, от вышки к вышке...

Fructus temporum

Наши реки бедны водой, в наших окнах не видно дня,

Наше утро похоже на ночь, ну, а ночь – для меня...

Глядя в жидкое зеркало луж, на часы, что полвека стоят,

На до дыр зацелованный флаг, я полцарства отдам за коня.

1989 год. Группа «Кино», «Невесёлая песня»

4.

Сидя в учительской, среди шкафов с собр. соч. Сухомлинского, Макаренко и Песталоцци, Ирина Леонидовна рассеянно слушала старшеклассницу.

Вика Шканина уже в пятый раз спрашивала гундосым от слез голосом: «Что же мне делать?» И плаксиво косилась на портрет ни в чём неповинного Яна Амоса Коменского. Её фартук ловил крупные слезы.

– Ведь срок – два месяца уже, – всхлипывала она.

Ирина Леонидовна рассеянно смотрела на ее смуглые колени и бедра, едва прикрытые короткой юбкой. Подумала, что сама в 15 лет была куда целомудреннее.

– А что говорит твоя классная, Татьяна Константиновна?

– Вы что? – ужаснулась Вика. – Я даже боюсь к ней подходить. Она будет так орать, что я на месте рожу.

"Татьяна может", – мысленно согласилась Ирина Леонидовна.

Вся школа знала, что биологичка Фролова – готовая клиентка дурдома. Почему эта визгливая особа с ворохом соломы на голове еще на воле, оставалось загадкой.

Но сейчас было не до нее. Надо было разбираться с этой 15-летней дурочкой.

– Твой парень любит тебя? Может быть, все образуется?

Вика что-то промямлила, Ирина Леонидовна уловила только слово "мужик".

– Он старше тебя?

– Ему двадцать пять, – выдавило горе луковое.

Банальная история. Вика с этим хмырем встречалась с лета. Ходили в кино на фильмы про индейцев, ели мороженое. Все было невинно и церемонно. А потом...

Выяснилось, что о ее беременности никто не знает. Ни ее родители, ни даже сам парень. Но ему она говорить не хочет, потому что он прилип к какой-то другой девчонке.

Ирина Леонидовна стала расспрашивать об этом Ромео-переростке. Где он живёт, Вика не знала. Они встречались в видеосалоне, который этот парень держал.

Вика ушла, а Ирина Леонидовна призадумалась. За такое могут и отчислить. Еще и из комсомола попрут. Куда она потом с таким пятном?

Советоваться с ее родителями бесполезно. Мамаша Вики – заторможенная тетка, отец агрессивный алкоголик. Отлупит ремнем, невзирая на.

До педсовета оставалось еще много времени. Можно было посидеть в одиночестве, вспомнить вечер, когда в ее собственной жизни все сдвинулось и побежало...

В тот день она пришла домой поздно. Под зеркалом на видном месте лежала записка от отца: *Ирочка, я поехал на вокзал встречать одного человека, это сын моего давнего приятеля. Буду поздно. Ужинай сама. Собаку я покормил.*

Погуляв с Кимом, она поела котлеты и сварила кашу на завтра. Потом посмотрела телевизор, самый конец программы "От всей души". Проглядела тетрадки с изложением седьмого «Г». Проверить их решила уже завтра – почему-то не могла сосредоточиться.

Она вылезла из душа, когда заворочалась входная дверь. Наскоро вытершись, накинула халат и выглянула в коридор.

Там неловко разувался отец. Туда-сюда болталась его лысая макушка. Он был пьян – наотмашь, безобразно. Она его таким никогда не видела. Рядом с отцом смущенно топтался молодой усач в офицерской шинели.

– Что с тобой, папа?

Она помогла отцу снять второй ботинок. Тот бормотал что-то невнятное.

Ирина Леонидовна неприязненно глянула на усача. На погонах четыре звезды. Лейтенант? Капитан? Она всегда путалась в этих армейских созвездиях. Отметила его умеренную пьяность. На фоне не вяжущего лыка родителя он был просто как стекло.

– Где же ты так нализался, папа?

– Ирочка, прости! Знакомься, это Анатолий. Сын моего лучшего друга Пети, царство ему небесное. Ты помнишь Петра Авдеевича? Должна помнить! Он потом большим человеком стал – генералом! Сам маршал Устинов ему руку жал!

– И в честь этого вы так наклюкались?

– Нееееет, в честь нашей с Толиком встречи. Толик в детстве приезжал к нам со своими родителями.

– Не помню.

– Зато я вас хорошо помню, – внезапно встрял усатый. – Мы с вами играли в короля и королеву, ходили в мантиях из пледов.

Ирина Леонидовна покраснела, словно ее уличили в чем-то постыдном. Она вспомнила бойкого щекастого мальчика с вибрирующими ляжками и тугим пузцом под футболкой. Неужели этот стройный широкоплечий мужчина – тот самый пузан? Форма, надо признать, на нем сидела отлично.

Они вошли в комнату. Вернее, просеменили, таща отца. Тот урчал и порывался петь.

Не успели они уложить его на диван, как он захрапел. Ирина набросила на него покрывало. Посмотрела на Анатолия, который даже не покачивался.

– Вы пили что-то другое?

– То же самое, – широко улыбнулся тот.

– Я просто диву даюсь.

Она присела рядом с бесчувственным папулей.

– Ладно, пойду, – сказал Анатолий. – В гостинице еще толком не поселился, только вещи кинул.

Но в коридоре его повело. Словно слепой, он облапил стену.

– Стойте, куда вы пойдете? Вы совершенно не в форме. Я имела в виду... Кстати, четыре звезды – это лейтенант?

– Обижаете. Кэп!

Он театрально щелкнул каблуками и чуть не поскользнулся на паркете.

– Осторожно! Чаю хотите? Так тоскливо оставаться одной. Отец сегодня – сами видите. Это так непривычно. Он всегда вечером шумит, хохмит, смотрит кино или футбол.

Анатолий рухнул в кресло.

– Уговорили.

Они выпили чаю с печеньем. Анатолий рассказал, что его перевели сюда из Москвы. Можно сказать, в ссылку. После училища он по благу (папа-генерал) попал служить за границу. Два года отбыл в Германии, "как сыр в пиве катался". Но как-то не отдал честь командиру полка, потом ляпнул ему дерзость. В общем, был сослан на родину и очутился в подмосковной части. Но и там у него не заладилось. Солдат из его роты в пьяном виде угнал КАМаз. Солдату – трибунал и дисбат, а старлею Воробьеву – методическое пропесочивание. Хорошо хоть в звании не понизили.

Чувствуя, что с полевым командирством не заладилось, Толик написал рапорт и пошел служить в столичный военкомат. Удалось пристроиться начальником отдела – вновь помогла протекция лампасоносного отца.

Три года он служил не тужил. Работа была прелестная: составляй списки призывников да на подпись военкому подавай. Час несложного труда, а все остальное время – картишки и домино с сослуживцами. Чтобы не деградировать, Анатолий стал читать.

– Всю русскую классику проштудировал, вплоть до Лескова, между прочим, – заметил он. – А на работе скукотень, балду гоняю. Цельными днями – анекдоты в курилке, шатания по коридорам. Однажды подслушал разговор нашего военкома Рылова с каким-то деятелем. Тот спрашивал у Рылова, сколько стоит откупить сына от армии. Военком назвал совершенно несусветную сумму. Проситель щелкнул замком дипломата и купюрами зашуршал. А через неделю Рылова сняли. В "Комсомолке" вышла разгромная статья про взятки в нашем военкомате с его огромным фото – морда во всю страницу. А что вы хотите? "Перестройка, гласность". Рылова арестовали, а нас давай шерстить. Пришлось подать рапорт – переводите куда угодно, хоть на Кушку, хоть на Сахалин. Да и отец к тому времени умер. Вот и отправили меня к вам в глубокую провинцию.

В тот вечер она постелила ему в кухне на угловом диване.

На следующий день Анатолий пришел уже трезвый и с цветами. Он принялся рьяно за ней ухаживать, зазывать в кино и кафе. Ирина отстранялась – в ней сидела одна тоска по Яро-

славу. Но отец поощрял настырность капитана: "Давай-давай, Толик, не робей, а то засиделась моя красавица в девках. С такой переборчивой невестой я до внуков не доживу".

Вскоре Анатолий устроился на работу в Дзержинский военкомат. Тот самый, к которому был приписан Ярослав.

Ирина Леонидовна решила, что пора сдаваться. Сначала согласилась сходить с Анатолием на танцы, где он умело поймал в капкан ее узкую талию. Потом разрешила проводить себя домой.

Она позволила любить себя. И сама сделала вид, что влюбилась.

На самом деле это был обман шпионки. Всякий раз, обнимая капитана, она представляла себе совсем другого человека.

Она терпела покальвание усов Анатолия, подхихкивала его брани в адрес военкома. Даже поддакивала ему. Иногда они обсуждали Лескова или Гаршина, и его мнение было вовсе не топорным. Он был по-своему мил, этот честный малый Анатолий Воробьев.

Но думала она лишь о Ярославе.

Толик позвал ее замуж. Она отбрехала – заявила, что не хочет детей, мол, ей учеников с головой хватает. Он скис. И вскоре женился на какой-то девахе из магазина галантереи.

Ирина Леонидовна вздохнула с облегчением. Они остались друзьями. Продолжали пере-званиваться. Чаше звонила она. Держала его в пределах досягаемости своих радаров. Того требовала спецоперация, в которой он должен был сыграть свою роль.

Когда пробил час Ярославу идти в армию, Ирина пришла к Анатолию (уже майору) и заявила, что должна знать о судьбе этого бойца все.

Сидевший за столом офицер оторвал взгляд от кроссворда и стал постукивать шариковой ручкой. Откинулся на спинку стула. В его глазах читалось зыбкое прозрение: "Вот оно что! Ну, ты, мать, даешь".

Ей некогда было объясняться.

– Так я могу на тебя рассчитывать?

Она с нетерпением ждала ответа от этого прищуренного циника, ещё молодого, но уже с надувшимся под кителем брюшком. Его толстопузое детство отыгрывало своё. Усы он сбрил – возможно, по настоянию галантерейной девахи. Вместо Лескова на столе валялся замусоленный Гарднер.

Он игриво подпер щеку.

– Ириша, я сообщу тебе все, что узнаю.

Fructus temporum

6 октября 1989.

Экономика находится в состоянии, близком к клинической смерти...

Газета «Московский комсомолец»

5.

Вдали показались зеленые ворота учебной воинской части 32752, на которых топырились две красные звезды. В обе стороны от них утекал бесконечный забор. Автобус с новобранцами притормозил на светофоре.

Притихшие бойцы молча переваривали свои впечатления от городка Жесвинска. Этот крошечный населённый пункт, затерявшийся среди белорусских лесов и озёр, казалось, состоял сплошь из маленьких аккуратных домиков с резными ставнями и заборами из штакетника.

Тишину городка периодически взрывала танковая учебная часть с полком военных и скопищем техники, среди которой безраздельно царили Т-80Б и Т-64Б, свирепо ревушие на полигоне, а иногда сочно и гулко шандарахающие по условным целям.

По легенде, своё необычное название город получил благодаря какому-то французу, который в 1812 году отстал от наступающей на Москву армии. Этому Шарлю очень уж приглянулась дочка здешнего крестьянина. Он хронически заикался, посему вместо горячего признания в любви отчаянно буксовал: «Же сви, же сви...» Что, надо сказать, придавало ему особую прелесть в глазах романтической селянки.

Весь поход Наполеона этот пылкий мусьё провёл в объятиях возлюбленной. Когда на обратном пути из Москвы отряд изнурённых французов забрёл в этот городок (в те времена ещё сельцо), они были потрясены знакомыми звуками, доносящимися из окна избы: «Же сви, Анета... Же сви...».

Радость и изумление французов были столь велики, что ни в какой Париж они уже не пошли – остались здесь. И так лихо всё обустроили, что через пяток лет заброшенное село превратилось в уездный город, в котором городничим стал некто Поль Сальмон, сделавшийся вскоре Павлом Соломиным. Неблагозвучное название бывшего села "Гнилая топь" было без колебаний отринуто, и новый город был поименован Жесвинском, в честь трогательного дезертира-заики. К тому времени французы ещё не успели настолько обрусеть, чтобы уловить в новом названии хрюкающий отзвук.

Но не зря говорят, что слово материально. Прошло полвека, и в Жесвинске развели породу знаменитых бурых свиней, которая впоследствии гремела на многих европейских сельскохозяйственных выставках. Так продолжалось вплоть до Первой мировой.

Кстати, какое ударение надо делать в названии города, никто толком не знал. Местные настаивали на том, что ударять надо на "е" – «ЖЕсвинск». Иногородним больше нравилось "ЖесВИнск". Местные обижались и поправляли. Говорили, на этой почве даже случались драки между аборигенами и гостями городка. К счастью, ни у тех, ни у других не было доступа к армейским танкам и боеприпасам учебной части № 32752...

Всего минуту назад в автобусе, который вез призывников, пыхтел спор. Долговязый парень с торчащими, как у суслика, передними зубами упорно доказывал, что оставшуюся у них провизию надо спрятать. Мол, *деды* заберут. С ним многие соглашались. Но было непонятно, где прятать.

Суслик продолжал страшать. Капитану-Кошею это надоело.

– Какие деды? Забудь это слово. Все забудьте. Вы такие же солдаты, как и ваши старшие товарищи. Тоже мне, начитались всяких газетеночек, – в его тоне скорчилось презрение.

Автобус упнулся в ворота с красными звездами. Прильнув к окнам, новобранцы беспokoйно глядели вперед. Припорошенный ранним снегом, к воротам притулился приземистый домик контрольно-пропускного пункта. В его тусклом окне метнулась тень.

Через несколько секунд кто-то невидимый завозился с той стороны ворот. Скрипнули петли, и воротины, лязгая, разошлись в стороны. Автобус вполз в часть.

Мелькнула вдалеке дозорная вышка с часовым. Отдал честь фанерный солдат с бодрой улыбкой и автоматом – плоская фигура на агитационном щите. Ярослав проводил его мрачным взглядом. После вчерашней неосторожной сигареты башка раскалывалась.

За окном бежали окладистые ели, меж которых мелькали люди в форме. Задом наперед протянулся лозунг «!УВАЛС И ЫТСЕЧ ЫШЕЮОВАЗ – УВАТСУ ОП ИВИЖ».

Мелькнул неотъемлемый Ленин с птицей на голове. Руки он не по уставу держал в карманах. Подавшись вперед, вождь хмуро взирал на бойца, вяло елозящего метлой.

Автобус выехал на середину плаца и остановился. Капитан выскочил наружу. На ходу оправляя шинель, он направился к штабу – серой угловатой трехэтажке, на крыше которой развевался красный флаг.

Через несколько минут капитан вынырнул в сопровождении пузатого майора с короткими ручками. Сержант вывел новобранцев из автобуса и выстроил в две шеренги. Откуда-то сбоку наплывал, щекотал ноздри и необычно завораживал пряный запах. Это в столовой готовили обед.

Пузатый майор взял у капитана бумагу и произвел переключку. Это была уже сорок какая-то переключка за последние пару дней. Парни тупо откликались «я... я» на надоевшую вереницу одних и тех же фамилий: «Орлов... Погодин... Свиноаренко...»

Их вымыли в бане и выдали форму. Они напялили штаны и гимнастерки, облачились в громоздкие шинели. Нахлобучили солдатские шапки с уже прикрепленными кокардами.

Стянув шинельную талию кожаным ремнём, Ярослав щелкнул замком золотистой бляхи со звездой. Как бы окончательно скрепил себя узами двухлетнего заточения. Он вспомнил о поясе верности, который надевали на своих жен рыцари, отправляясь в крестовые походы, и меланхолично усмехнулся.

Им выдали сапоги с портянками. Он сумел намотать их довольно квалифицированно. Спасибо отцу, не зря дома натаскивал.

Но какие же эти кирзачи оказались тяжелые. По дороге в столовую сержант заставил их идти строевым шагом. "Выше ногу, выше!" Пыхтя, новобранцы изо всех сил подбрасывали юбки шинелей. "Левой, левой, раз-два-три!" Под конец портянки у всех были мокрые...

Их поселили в огромной казарме на втором этаже. Огромная зала и большие окна рождали неуместную ассоциацию с залами, в которых беспечное дворянство устраивало когда-то балы. Только вместо мраморных колонн и ломберных столов стояли двухъярусные кровати с узкими проходами.

Никаких штор не было. Под высоченным потолком едко сияли лысины лампочек накаливания. От этого света уставали глаза. А от казарменного шмелиного гула шалели мозги.

Кошечей наврал. Не успели новоявленные бойцы прибыть в казарму, как сержанты деловито обшарили их рюкзаки и выгребли из них все съестное и ценное.

– В армию надо входить наляхке, – философски заметил один из сержантов, незлой белорус с бородавкой на носу.

И тут же отнял колбасу у толстяка Беляева. Тот запричитал, словно похоронная плакальщица. Второй сержант, здоровенный и грудастый, отвесил Беляеву оплеуху. Тот затих.

Команда Ярослава, словно рыбки в аквариуме, быстро смешалась с толпой новобранцев, прибывших из других городов. Замелькали головы русые, черные, светлые, пегие, рыжие – но все одинаково стриженные. Загомонили, залопотали на русском и нерусском, с акцентами, говорами и диалектами.

– Вавилон, – услышал Ярослав за спиной наполненный сарказмом голос, очевидно принадлежащий природному пересмешнику.

Оглянулся на худого парня с вытянутым лицом и большой нижней челюстью, отчего он немного напоминал лошадь. Восседающая на табуретке с прямой спиной, длиннолицый покачивал правой ногой, небрежно заброшенной на левую.

Протянул руку:

– Игорь, Пенза.

Ярослав её пожал.

– Пенза – это фамилия?

– Зачет, – поощрительно усмехнулся длиннолицый. – Пенза – это город. А фамилия Кочеров.

Ярослав рассказал, кто он и откуда.

– Слушай, Ярослав – это слишком официально. Можно я буду звать тебя Ярила? – неожиданно предложил Игорь.

«Ярила»? Мысленно примерив, Ярослав решил, что звучит диковато. А впрочем, какая теперь разница.

– Валяй, – согласился он. – Слушай, ты с кем-нибудь здесь познакомился?

– Нет, естественно. Тут же сплошное быдло.

– Да ладно тебе, – поскреб щеку Ярослав.

Только он это сказал, как двухъярусные кровати за их спинами затряслись и завибрировали. Два голых по пояс парня один за другим перемахнули с кровати на кровать. Один гнал за другим. Через два прохода оба рухнули вниз. Первый орал, второй мускулисто молотил вопящее тело.

Распахнулась дверь – в казарму ворвался сержант.

– Отставить!

Он растащил полуголых бойцов, одного с окровавленной рожой, другого в пене бешенства. Затолкал их пинками в бытовку и нырнул следом. Нутро бытовки сотряслось несколькими глухими ударами.

Через две минуты оба шкодника были отправлены мыть сортир. Их провожали ехидными смешками.

– Убедился? – спросил Игорь, снова закинув ногу на ногу.

– Двое кретинов – это ещё не показатель, – пробормотал Ярослав.

Игорь поднял на него насмешливые глаза.

– Куришь?

При одном воспоминании о сигарете Ярослава чуть не вывернуло.

– Ладно, потом покурю, – махнул Игорь. – Давай только отойдем в сторонку, а то рядом полно ушей.

Они углубились в проход между кроватями. Поблизости никого не было. Игорь заговорил тихо и строго, как разведчик в кино:

– Ты, Ярила, давай без иллюзий. Мы с тобой попали в джунгли. Это сборище дебилов. Хочешь мерить их обычными человеческими мерками? Так они этого не заслуживают. Вернее, они даже не понимают, как это – по-человечески.

Ярослав попытался угадать по лицу Игоря, говорит тот серьезно или шутит.

Поблизости несколько бойцов сбились в кучку, шумно обсуждая недавнее происшествие. "Белый у него сигареты спер, вот Червь за ним и погнался". "А ты видел, как он ему в грудак вдул?" "Да я б его вообще замочил за такое!"

Ярослав все это переваривал, впитывал. Прокручивал через себя впечатления, пытаюсь анализировать.

– Слышь, ты чё такой серьезный?

Он не сразу понял, что эта реплика настигла его. Пока соображал, его ткнули в ребра:

– Эй, задумчивый, будь проще!

Зычный гогот. Рыжий плечистый парень с белесыми ресницами. По его роже каталась наглая ухмылка. Ярославу до помутнения захотелось на него кинуться, но Игорь успел его оттереть, обхватил за плечи.

Рыжий смерил их пристрелочным взглядом. Хмыкнул и вперевалку отошел.

Ярослав нервно дернулся.

– Ты отпустишь меня или нет?

Игорь разжал пальцы.

– У тебя не рука, а тиски.

Игорь не без самодовольства сообщил, что пару последних лет *баловался* брейкдансом. Ну, и немного борьбой. Она в итоге и довела его до армии. Профессор вуза, в котором Игорь учился, изошренно унижал его однокурсницу. Игорь не выдержал и швырнул ехидного очкарика на пол. Чистая победа. Но из вуза выперли, пришлось шагать в военкомат.

Игорь Кочеров выделялся на фоне большинства новобранцев. Форма, в отличие от многих, на нем ладно сидела. Китель не топорщился, а рельефно подчеркивал тугую грудь, штаны не болтались.

Несколько дней, которые их продержали в казарме-карантине, Ярослав с Игорем не могли наговориться. Для обоих это была отдушина, способ сбежать от реальности. Они говорили о Булгакове и Борхесе, Тарковском и Бергмане, Морриконе и Уэббере. Их занимали Достоевский и Бродский куда больше, чем идиотская болтовня сослуживцев с их гоголом-реготом, тупыми подначками и мелочными претензиями. Они были скованы со своими призывом одной цепью, но в этой цепи были чужим звеном.

К ним пару раз попытались враждебно подкатить. Сначала тот самый рыжий с белыми ресницами. Потом зигзагами приблизился тощий лысяк по прозвищу Арнольд.

Игорь отшил обоих. Первому просто заломил руку и шепнул пару ласковых. А со вторым уважительно отошел в сторонку. Минуты две они болтали, после чего расстались с улыбками.

– Как тебе это удалось? – удивился Ярослав.

– Ничего особенного. Потрепались о том, что ему интересно – о боевиках, мотоциклах, "Ласковом мае". Пару раз пришлось посмеяться над его дебильными шутками. Если ты заметил, вокруг этого Арнольда постоянно вьётся кодла подпевал. Он здесь ярко выраженный альфа-самец... Понимаешь, Ярила, нам надо научиться прикидываться.

Fructus temporum

1989 год

«ВПК Страны Советов – это 14 миллионов 400 тысяч человек: солдат, офицеров, инженеров, техников, конструкторов, которые обеспечивают с той или иной долей успеха бесперебойную работу сотен заводов, КБ, закрытых городов, полигонов, испытательных комплексов. Эта цифра включает в себя и почти 4-миллионную армию».

Газета «Красная звезда»

6.

Через три дня всех новобранцев из карантина раскидали по учебным ротам. Ярославу с Игорем повезло, они попали в одну роту, 4-ю.

Новая казарма была меньше и чище, свет ламп не так едко жалил. Дисциплина здесь была уже по-настоящему армейская. Порядок блюли трое сержантов – Логвиненко, Боков и Шихин. Иногда в казарму заявлялся командир роты капитан Зотов, который педантично везде зыркал.

Особенно усердствовал мускулистый усач Логвиненко, старший сержант и без пяти минут *дембель*. Он будоражил бойцов по тридцать раз на дню – строил роту и с удовольствием гулял вдоль шеренг, тыча пальцем в тусклые бляхи ремней и ругая курсантов за не отдраенные сапоги. Орал на небритых, грозя шлифануть щеки вафельным полотенцем. С мясом отрывал грязные и плохо пришитые подворотнички.

На его фоне коротышка Боков был просто добряк. Он почти никогда не орал. Если Боков просил кого-нибудь из курсантов постирать его носки или штаны, то делал это с обезоруживающей деликатностью: "Дружище, сделай доброе дело". И элегантно протягивал бойцу пропотевшую вещь.

Третий, младший сержант Шихин, казался самым безобидным. Он был болтлив и любил поспорить на отвлеченные темы. Тогда его воспаленные глаза загорались, изо рта летели липкие брызги. Ярославу не раз приходилось от них увёртываться, так как кровать Шихина стояла по соседству – их разделял узкий проход.

В одну из ночей Ярославу приснилась Женя. Они гуляли в парке, и он пытался ее поцеловать, а она почему-то уклонялась, и каждый раз он тыкался во что-то жесткое и ворсистое. Наконец он поймал ее, но снова почувствовал на губах грубую шерсть. "Женя, что с тобой?"

"Со мной ничего, я теперь такая", – откликнулась она. И потащила его по какому-то длинному тоннелю. Они ползли так долго, что он крепко заснул.

И в 6 утра не услышал зычное «Подъе-е-ем!» Не среагировал и на полыхнувший свет ламп, зарывшись в шерстяное одеяло. Кругом горохом сыпались солдаты, тряслись кровати. А он безмятежно спал. Игорь его тормозил, прыгая в одном сапоге: "Ярила, вставай!"

– Подъе-о-ом!!! – подвывал Логвиненко.

Ярослав соскочил с кровати, когда все уже строились и выравнивались. Ошалело натянул китель и штаны, кое-как встроил ноги в сапоги, втиснулся в строй.

Логвиненко уже похаживал вдоль новобранцев, пощипывая усы. Встал перед Ярославом и уперся в него бычьим взглядом.

– Не высыпаемся?

– Никак нет, – обучено отбарабанил Ярослав.

– Не высыпаемся?! – выпучился сержант.

– Так точно. То есть... высыпаемся.

– Отставить!

– Куда отставить? Что?

Логвиненко разразился бранными трелями. Пустился вдоль строя, давая понять, что это относится ко всем присутствующим. Вернулся к Ярославу.

– Это форма одежды, боец?

Ярослав опустил глаза. Чёрт! В спешке он перепутал петли пуговиц. Хотел исправиться, но Логвиненко не дал:

– Выйти из строя на три шага!

Ярослав вышел.

– Кру-гом!

Ярослав развернулся.

– Посмотрите: это боец нашей великой родины. А если завтра Парад? А если в поход? Например, в каком-нибудь Гондурас. Все гондурасцы подумают: «Мы эту советскую армию одними бананами и кокосами закидаем!»

Логвиненко быстро распалился, затопал, рельефно напряг шейные жилы. Вспомнил дедов-фронтовиков, заговорил про НАТО:

– Как ты стрелять по врагу будешь в таком кителе? Может, без штанов в атаку пойдешь?

Ярослав хотел заметить, что древние греки вообще сражались голыми. Но благоразумно смолчал.

– Наряд вне очереди, – наконец выдохнул Логвиненко.

– Хорошо.

– Не "хорошо", а "есть наряд вне очереди"!

– Понял.

– Не "понял", а «так точно»!

– Так точно.

Свою провинность он искупил сполна. Драил казарму, мыл туалет. Когда забилось унитазное очко, ему пришлось пробивать его проволокой, лезть руками прямо в вонючую бурду. Задыхался, но пробил. Говно с утробным урчанием ушло в трубу.

На следующий день все шесть учебных рот собрали в актовом зале. Перед ними поочередно выступило все командование.

Лысый командир части полковник Сысоев сказал несколько воодушевляющих слов. Потом слово взял заместитель Сысоева по политработе подполковник Больных. Этот был тягуч и нуден. К тому же у Больных была странная особенность – дважды повторять произнесённые слова. Он словно пробовал их на вкус. "Товарищи бойцы, товарищи бойцы, вам доверена великая честь служить отчизне, служить отчизне. Помните о славных традициях советской армии,

советской армии..." – заунывно гундел он, и сержанты зорко следили, чтобы никто из солдат не спал.

От штабистов выступил Караваев – еще молодой 35-летний майор с уже набрякшими на щеках брылами и наметившимся вторым подбородком. Он насуплено вещал про международную обстановку.

– Думаете, раз объявлена перестройка, то у нас нет врагов? Ошибаетесь! – гремел в микрофон Караваев, трясая брылами. – Мировой империализм всего лишь затаился. Не слушайте тех, кто говорит о так называемой разрядке напряженности. Соединенные Штаты Америки не откажутся от своей враждебной политики. Мы должны быть бдительны и готовы во всеоружии встретить любую угрозу!

Ярослав переглянулся с сидевшим рядом Игорем. Только что они листали в ленкомнате журнал "Огонёк", в котором говорилось о конце холодной войны между СССР и США. На большом фото Горбачев с Рейганом нависли над столом в дружеском рукопожатии.

– Мы ж вроде уже не враждуем с американцами, – прошептал Ярослав. И получил сержантским кулаком по лопатке.

– Отставить разговоры! – прошипел злодюга Логвиненко.

Вечером после отбоя, когда в казарме погасили свет, младший сержант Шихин повернулся набок. Высунув из-под одеяла кальсонную ногу, ткнул Ярослава.

– Спишь, солдат?

– Сплю.

Рот Шихина оскалился в подобии улыбки. Глаза светились воспалено, как у больного лихорадкой. Очередной приступ болтливости, обреченно подумал Ярослав, смеживая веки.

– О чем ты там трепался в актовом зале? – снова пихнул его Шихин.

– Ни о чем.

Сержант заерзал под одеялом. Чувствовалось, что спать он не даст. Ярослав с усталой злостью посмотрел на утиное лицо Шихина. Хочешь поговорить? Ну ладно.

– Меня удивили слова майора, – сказал он.

– Какие слова?

– Про угрозу и затаившийся империализм.

Шихин поскребся под одеялом.

– Не улавливаешь ты, Молчанов, тонкостей международной обстановки. Ничего в мире не изменилось. Есть наш социалистический блок, а есть империалисты – США, Великобритания, Япония и так далее. Они только и думают, как развалить нашу великую державу, а нас с тобой поработить.

– Да ну?

– А ты как думал? Мы потому с тобой и служим родине, чтобы не дать им осуществить эти коварные замыслы.

– Родине можно служить по-разному. Для этого не обязательно надевать шинель и кирзовые сапоги.

Шихин даже взвизгнул:

– Значит, я тебя должен от врага защищать, а ты будешь на печке сидеть?

Это была его обычная песня. Просто изнурительно допекал. Ярослав никогда не знал, как его заткнуть.

– Товарищ младший сержант, вы меня не поняли, – с досадой сказал он. – Я хотел сказать, что в каком-то другом месте мог бы принести больше пользы. Вот кем вы были на гражданке? Чем увлекались? Что вам было интересно?

Шихин укоризненно скривился.

– Эх, Молчанов, Молчанов. Тебя родина одевала, обувала, а ты вот как, значит. Ладно, запомним.

Он зарылся с головой под одеяло и глухо забубнил. Под этот бубнеж Ярослав очень быстро заснул.

Наутро после завтрака Игорь отвел его в сторону.

– Зря ты с Шихиным лишнее болтаешь.

– Что именно?

– Не заводи с ним такие разговоры.

– Какие разговоры?

– Тихо, слышат.

– Ну и пусть.

– Послушай, Шихин – явный провокатор и стукач. Ты что-нибудь неосторожнобрякнешь, а он доложит куда не надо.

– Плевать.

– Ярила, не дразни гусей. Мы здесь зависим от таких, как Шихин и Логвиненко. Терпи.

– Что ж ты сам не стерпел, когда припечатал того профессора?

Игорь только зубами скрипнул.

Ярослав понял, что задел за живое.

В армии у него пока все выходило неловко и коряво. Куда-то делись чутье, смекалка, такт. Здесь он был сам не свой.

Fructus temporum

8 октября 1989 года. Сеансы Кашиповского

С 8 октября на Центральном телевидении СССР были проведены шесть передач «Сеансы здоровья врача-психотерапевта Анатолия Кашиповского». В ходе таких сеансов он пытался погрузить телезрителей в сон. Сам Кашиповский утверждал, что таким образом он излечил от самых различных заболеваний около 10 миллионов человек.

7.

Ярослав, любимый, как ты там? Из чего состоит твой день? Пиши, пожалуйста, мне все интересно.

Я маюсь. Зачем только поступила в этот дурацкий пед? Это не мое. Пошла на поводу у матери, которая всунула меня сюда.

Голова болит. Тупо. Бесконечно. Не отпускает ни на секунду. А на столе распластанная тетрадь с темой семинара.

Стоит немного напрячься, как приступ усиливается. И сразу тошнота...

Ручка вывалилась из руки, закатилась под стол. Далеко. Поэтому не удивляйся, что пишу другими чернилами. Когда у тебя присяга? Я обязательно приеду. Что тебе привезти?

Мать замучила нас с отцом. Меня постоянно пилит, что сижу дома, ни с кем не общаюсь. Его – за то, что он бросил преподавание и погряз в одной науке, поэтому мало денег. Она только и твердит, что надо запасаться, запасаться, запасаться. Всю кладовку и коридор заставила мешками с гречкой и пшеном, и все ей мало. Это какой-то дурдом, Ясик!

Недавно по твоему совету посмотрела "Зеркало". Ничего не поняла. К чему эти длинные сцены без диалогов? Чуть не заснула прямо в видеосалоне.

Слушай, мне принесли кассету с новым альбомом Цоя. Я просто балдею! Жаль, что ты не можешь послушать!

Снова за окнами белый день,

День вызывает меня на бой.

Я чувствую, закрывая глаза, -

Весь мир идёт на меня войной.

Хочу научиться играть на гитаре. Тут есть один знакомый, который здорово учит.

Тыфу ты, мать с работы пришла. Зовёт. Ну что опять ей от меня надо?!

Целую, Ясик, пиши!

Твоя Женя.

Он сложил тетрадный листик в клетку, стараясь соблюсти последовательность сгибов. Зачем-то засунул письмо обратно в конверт.

В другой раз он немедля засел бы за ответ. Но не сегодня. Угнетающей плитой давило мозги, щёлкало хлыстом: «Ищи хлястик, ищи хлястик...»

Пропажу хлястика от шинели он обнаружил утром, перед построением роты на завтрак. Его шинель висела на вешалке, а вот хлястика не было – одни пуговицы торчали беззащитно, как глаза сироты.

– Молчанов, выйти из строя! Почему не по форме одежды? – насел Логвиненко.

Ярослав попытался объяснить.

– Не украли, а просрал! – оборвал сержант. – Это твоя вина, боец! Молчать! Твое обмундирование – это как знамя части! Ты обязан следить за его внешним видом и сохранностью...

4-я рота стояла на плацу притихшая. Минуты тикали. Столовая поддразнивала голодных бойцов своими запахами, в которых угадывались гречка с лучком и тушеное мясо с подливой. Но 4-я рота мимо завтрака пролетала. И все из-за такой мелочи, безделицы, какого-то вшивого куска войлока.

Логвиненко продолжал долбить, что без хлястика они никуда не пойдут, и Ярослав не мог понять, издевается он, или в самом деле ждет, что пропавшая деталь униформы невесть каким образом упадет с неба.

Голод подступал к глоткам бойцов, заныривал в утробы, бередил внутренности. От этого голода они стремительно свирепели. Ярослава толкали и пинали. Зло косил щелочки своих глаз узбек Кулиев. Бубнил угрозы хмурый молдаванин Бараган. Коренастый Леша Лукашов сквозь зубы обещал Ярославу устроить ночью *тёмную*.

В голове строя кто-то заерзал.

– Товарищ старший сержант, что-то живот скрутило, – подал голос Игорь. – Разрешите в казарму?

Логвиненко зыркнул на него тяжелым взглядом.

– Иди.

Игорь уплелся. Но через минуту выскочил из казармы, живой и здоровый.

Логвиненко будто ждал его. Встретил ехидно:

– Полегчало?

– Так точно. Разрешите встать в строй?

Скользнув между бойцами, Игорь что-то вынул из кармана и сунул Ярославу.

– На.

Хлястик! Кто-то сзади мигом прицепил его к шинели Ярослава. Волна облегчения прокатилась по рядам.

– Рота, в столовую шагом марш! – гикнул Логвиненко.

Изголодавшиеся солдаты рванули в столовую.

Успели. Хоть и остывшей еды, но поели.

Когда вернулись в казарму, Игорь тут же отнял хлястик у Ярослава. Оказалось, он выпросил его у кого-то из третьей роты, пришлось тремя сигаретами угостить.

– А ты, Ярила, давай думай, где свой хлястик найти.

Ярослав стал тыкаться по казарме, приставать к бойцам с наивными вопросами. Над ним в лучшем случае смеялись. В худшем обещали отделать, если снова опоздают из-за него в столовую.

– Ищи, Молчанов, ищи! Не то капец тебе, – многозначительно шевелил костлявыми пальцами лысый дылда по кличке Арнольд. Ему гоготливо поддакивало шакалье.

Но где искать? Ярослав погрузился в мрачное отчаяние.

Кражи вещей в казарме были обычным делом. "Свистнуть чужое для советского солдата – что два пальца обоссать", – бесстрастно констатировал Леша Лукашов. У самого Леша красть побаивались – он имел третий разряд по боксу в полулегком весе.

Крали всё – материю для подворотничка, бритвенные лезвия, нитки, еду, крем для обуви и даже писчую бумагу. Её в ленкомнате было навалом, но почему-то приятнее было стащить у товарища по оружию.

Однажды у Ярослава пропало даже Женино письмо, которое он бережно хранил в тумбочке между книгой стихов и блокнотом. Хотел его перечитать – нету! В последний момент заметил, как толстяк Беляев сворачивает к сортиру, комкая знакомый тетрадный листик. Настиг Беляева у самой кабинки, еле успел отнять.

– Зачем тебе, сволочь, мое письмо понадобилось? Бумаги мало?

– То не то. Люблю на горшке почитать, – признался паскудник.

У самого Беляева беспрерывно воровали жратву, которую ему слала деревенская родня. То и дело казарма всплакивала его голосом: "Кто взял сало?" "Где мое печенье?"»

Но все эти кражи были сущей ерундой, детской шалостью. Вот исчезновение хлястика – это была чертовски серьезная проблема.

Ярослав обшарил всю сушилку. Кроме пахнущих кнурятиной портянок, ничего не нашел. В отчаянии сунулся в каптёрку, выпросив ключ у сержанта Бокова. Но сыскал там лишь кусок шинельного войлока. В ленинской комнате он попытался вырезать из него полоску, похожую на хлястик. Игорь его остановил, зашвырнул нелепый войлок подальше.

– Хочешь быть посмешищем?

В обед Ярослав снова вышел на построение без хлястика. К счастью, роту в столовую вёл Боков. Он засунул Ярослава внутрь строя и велел не высовываться.

На обратном пути роту тормознул ротный Зотов:

– Стой, раз-два!

Звериным чутьем он вычленил в строю Ярослава. Увидел, что у него на шинели нет хлястика, и наорал. А Бокову пригрозил поздним дембелем:

– И не мечтай об апреле, сержант! 31 июня у меня домой уедешь!

– Товарищ майор, 31 июня нет.

– Не понял.

– 30 июня, а потом сразу 1 июля.

– Отставить! Сержант Боков, два наряда вне очереди.

– Есть.

Боков привел роту в казарму, копя ярость. А там уж сорвался. Заставил всех отжиматься от пола. Долго, под медленное "раз-два". Полсотни бордовых солдат, пыхтя, уничтожали Ярослава злыми взглядами.

После экзекуции вокруг него сгустилось напряжение. Враждебность обступила его со всех сторон, как вибрирующий от зноя воздух. Он не рассчитывал на сочувствие, но надеялся хотя бы на понимание.

Зря. Его ненавидели искренне и животно. Еще и Игорь куда-то запропастился. Словно испугался, что ударной волной злобы заодно накроет его.

Несколько человек подошли к Ярославу, процедили, чтобы он готовился к ночному приключению.

– Если до ужина не найдешь хлястик, будет тебе *тёмная*, –дохнул один из них ему в лицо, и Ярослав отшатнулся от гнилостного духа.

Где искать хлястик, он не знал. Молдаванин Бараган вполголоса посоветовал спереть его в соседней 3-й роте:

– Там дневальный какой-то чукча. Отвлеки его чем-нибудь – и тащи.

Ярослав помотал головой. У него на такое рука не поднималась.

Время ужина приближалось неотвратимо. До рокового построения оставалось меньше часа. Сидя на табуретке, Ярослав глядел в пол, кожей чувствуя вихри враждебные, опахивающие его то нервным смешком, то слишком громким топотом сапог над ухом. Не шевелился. Решил принять удар, каким бы он ни был.

Он не сразу понял, что его зовут.

– Молчанов! Молча-анов! – надрывался дневальный на тумбочке.

Ярослав выглянул в коридор.

– Молчанов, давай бегом на КПП, к тебе приехали! – подавшись с приземистой тумбочки-постаменты, махнул ему дневальный Трофименко, великан с густыми бровями.

Приехали? Кто?

Он подошел к Трофименко.

– А если меня какой-нибудь офицер остановит? Спросит, почему я один, без строя.

– Скажешь, что вызвал дежурный по КПП Яшин. Давай живей, не тормози!

Ярослав надел шинель и вышел. Уже на лестнице услышал:

– Куда, чудик?

Леша Лукашов протягивал ему свой хлястик.

– С отдачей.

– Само собой.

На КПП Ярослава ждал сюрприз. В дежурной комнате сидел Игорь. Напротив какой-то сержант звенел ложкой, аппетитно пожирая кильки в томате.

– Ярила, знакомься с моим земляком: Костик из Пензы.

Сержант важно прочавкал:

– Для кого Костик, а для кого старший сержант Яшин.

Он был скуласт и плечист. Воротник нараспашку – расстегнуты крючок и две верхние пуговицы. Желваки методично ходят в такт жерновам зубов. Настоящий *дед*.

– Кто ко мне приехал? – спросил Ярослав.

– Никто. Военная хитрость, – подмигнул Игорь. – Я рассказал Костяну о твоей беде с хлястиком... Погоди, а ну повернись. А ты что, уже нашел?

– Это не мой, Лешка Лукашов одолжил.

– Понятно. Значит, есть выход. Костик, расскажешь?

Сержант Яшин и ухом не повел. Нарочито медленно принялся вылизывать банку. Сначала ложкой, потом куском хлеба. Кропотливо, основательно. Наконец домучил и скovyрнул опустевшую «кильку» на пол.

– Игорёша, наведи порядок.

Игорь безропотно залез под стол, поднял укатившуюся жестянку и выкинул в урну. Сержант с удовольствием рыгнул и благодушно уставился на Ярослава.

– Значит, так. Есть у нас в части швейная будка. Там сидит швея, противная тетка, к ней на козе не подъедешь. Но ты салага, она таких жалеет.

– Какой мне от нее толк?

– Не перебивай. У этой швеи, по слухам, есть много чего из амуниции и фурнитуры. Ремни, кокарды, бляхи, пуговицы, шевроны, петлицы. И хлястики от шинелей, говорят, тоже имеются.

– А она мне даст?

– А это уж как попросишь, – осклабился сержант...

Из окошка швейной будки высунулась стриженная усатая физиономия, похожая на Петра Первого. Ярослав даже отпрянул от неожиданности.

– Клавдия... Васильевна?

– Ну, – сдвинул брови "Петр".

– Извините, что тревожу. У меня хлястик украли.

– Чего?

– Хлястик, говорю, украли.

Тетка поскребла ногтем усы, приглядываясь к нему, о чем-то раздумывая. Наконец ёрзнула задвижка, дверь открылась.

– Заходи.

Она была на голову его ниже и раз в пять шире. Ее бочкообразное тело облегла безразмерная вязаная кофта. На ногах красовались солдатские штаны и ношенные кроссовки.

В небольшом, обитом вагонкой помещении было свалено невероятное количество барахла. Солдатские кальсоны и кители, офицерская полевая форма, парадная форма, шинели любых размеров с погонами и без. У окна грудой лежали болотно-зелёные бушлаты, похожие на ватники-зипуны.

Портянок было просто навалом – они плотной гармошкой утрамбовались на двух секциях стеллажа. Одну секцию заполнили лёгкие летние портянки, вторую – зимние, с начесом.

Прямо под ногами валялись петлицы. Много. Ярослав вспомнил, как у Кулиева кто-то стащил петлицы. И тот бегал по казарме, обещая убить того, кто это сделал. И вот Ярослав видел россыпь этих самых петлиц у себя под ногами – бери не хочу.

– Что-то хлястиков не вижу, – заметил он.

– Шагай за мной.

Для своей комплекции она неожиданно ловко, словно лесное животное, вильнула в проход между грудой шинелей и горой штанов. Ярослав устремился за ней.

Они миновали стеллаж и уперлись в дверь. Швея клацнула выключателем и провернула ключ в замке. Но дверь почему-то не открыла.

– Заходи сам да гляди, – буркнула она и ушлепала в своих растоптанных кроссовках.

Ярослав почему-то подождал, прислушиваясь. Он чувствовал здесь какой-то подвох. Но медлить было нельзя, скоро ужин, построение. Он нажал на дверную ручку и резко распахнул дверь.

На него хлынула и снесла лавина серых солдатских хлястиков. Словно оползень, накрыла и затопила. Он забарахтался среди них, новых и выцветших, аккуратных и с торчащими нитками, царапающих лицо, лезущих в нос, пахнущих затхлостью...

– Выбрал? – будто с другого берега реки, донесся голос швеи.

Fructus temporum

11 октября 1989

Из интервью экономиста Станислава Шаталина:

«У нас трагическая история, огромная страна с трудным климатом, жалкая инфраструктура. Не надо нам обгонять Америку. И Европу не надо обгонять. Нужно сделать нашу страну приличной в материальном отношении, и чтобы при этом каждый мог оставаться самим собой...»

«Литературная газета»

8.

Вместо того, чтобы говорить красиво, Базаров красиво резал лягушек. Ему это доставляло удовольствие. Чувствуется, что с таким же удовольствием он бы резал людей. Куда больше симпатий вызывает Павел Петрович. Он умный и благородный. А Базаров – просто самоуверенный хам.

Ирина Леонидовна перевернула страницу и с любопытством продолжила читать школьное сочинение. Ирландец Ким поднялся с коврика и подошел, положил морду ей на колени. Она машинально его погладила.

Да и какой из Базарова ученый-экспериментатор? Ученый всегда сомневается, задает вопросы. А у этого на все готовы ответы. Примитив. Его счастье, что он умирает. Рано или поздно он бы разочаровался в себе, в своих исследовательских способностях. Поскольку любить он не способен, то и семейное счастье ему недоступно. В 1917-м году такие же, как он, устроили революцию...

– Тебя же из комсомола попрут за подобные мысли, – пробормотала она, уставившись на вольнодумное сочинение девятиклассника Парамонова.

В комнату вошел отец.

– Ирочка, там какая-то женщина тебе звонит. По-моему, она не в себе.

Ирина отложила дерзкий опус. Вышла в коридор и взяла трубку.

– Вика исчезла! – оглушила мать Вики Шканиной.

Выбулькнув еще несколько нечленораздельностей, она бурно разрыдалась.

Только этого не хватало. Беременная школьница, а теперь еще и пропавшая.

– Вы классной руководительнице звонили?

– Фро... Фроловой? Зво... звонила! Она только ругается и меня клянет.

Через двадцать минут Ирина была у нее дома. Куцый коридор однушки был пропитан душными запахами луковой поджарки, курева, потной одежды, нафталина, дешевых духов и еще чего-то лекарственного. Рано постаревшая женщина торопливо притворила дверь на кухню, где угрожающе храпел Викин отец.

Ирина вошла в комнату. Здесь сутулилась бедность. Вылинявшие обои с полустёртым узором. Ободранный шкаф с просевшей дверью. Прислоненная к стене гладилка с бурым следом от утюга. Тюлевые занавески в дырах. А в углу, где в каждой семье обычно восседал пузатый телевизор, у Шканиных аскетично чернела швейная машинка Зингер с тугой «тренажёрной» педалью. На исцарапанном столе валялись пилюли успокоительного.

– Куда я только не звонила, – причитала Шканина, – в милицию, в больницы, морги. Ну, где она может быть?

– Вы ничего в ней не замечали в последнее время?

– А что я должна была заметить?

– Она разве не говорила вам...

Ирина Леонидовна вздрогнула от невесть откуда взявшейся черной кошки. Та спрыгнула на скрипнувший стул и тут же на нем свернулась.

– Разве Вика вам не говорила, что беременна?

Мамаша тупо заморгала.

– Понятно, – вздохнула Ирина Леонидовна. – Где Викины вещи?

Шканина махнула рукой в сторону угла, отгороженного ситцевой занавеской в полоску. Ирина отвела ее вбок. Плакат с "Ласковым маем" в полстены. Панцирная кровать с массивной тумбочкой, на которой неровной стопкой топорщатся тетради и учебники. На верхнем учебнике подмигивает зеркальце. Раззявил рот маникюрный кошелёк, из которого вывалилась пилочка для ногтей.

Ирина открыла дверцу тумбы. Она была набита каким-то журнальным барахлом.

– Вика вела дневник?

– Не знаю, – убито выцедила Шканина.

Ирина решительно вывалила на пол содержимое тумбочки. Из какого-то журнала выскользнул календарик-1987, очевидно, служивший Вике закладкой. На лоснящейся стороне застыл кадр из фильма «Беглецы».

Стоп, ведь Викин парень – из видеосалона. Зацепка!

Ирина выскочила из-за шторы и чуть не споткнулась о черную кошку.

– У вас справочник организаций есть?

– 80-го года, – пролепетала Викина мать. – Как раз перед Олимпиадой купили.

Ирина досадливо махнула рукой.

– Где у вас телефон?

– В коридоре.

Ирина быстро набрала домашний номер.

– Папа, какое счастье, что ты еще не спишь. Не знаю, когда буду. Подожди! Лучше достань сейчас наш новый телефонный справочник и продиктуй адреса видеосалонов... Взял? Отлично!.. Сколько? Шесть?... На Подоле и на Воронино не надо. Давай те, что в центре!

Через две минуты у нее был клочок бумаги с четырьмя адресами. Она посмотрела на часы. Начало двенадцатого ночи. Одна надежда, что ББ смотрит по телику какую-нибудь спортивную трансляцию.

Увы, ББ, он же учитель физкультуры Борис Борисович Фоменко, уже спал. Разбуженный физрук стал недовольно урчать в трубку, что она с ума сошла, завтра у него четыре урока.

– Боря, дорогой, срочно нужна твоя помощь. Твой «Москвич» на ходу?

Фоменко звучно зевнул в трубку.

– Ну ты, Ира, и вопросы задаешь на ночь глядя.

– Не томи.

– "Москвич" на ходу, а как же. В прошлые выходные за грибами на нем гонял. Собрал ведро белых, два ведра маслят...

– Боря, я тебя очень прошу, скорее приезжай!

– К тебе?

– Нет.

Ирина быстро назвала ему адрес и в двух словах изложила суть дела. Борисыч еще немного поворчал и пошел одеваться.

Мужик он был хоть и хитроватый и себе на уме, но неплохой. Да и детей любит. Недаром школяры от него в восторге: кинет мячик – играйте в футбол хоть до опупения. Ни нормативов, ни тупой беготни по кругу.

Минут через десять он затормозил у подъезда. Вылез из машины, коренастый, с ухмылкой доброго бульдога. В кепке и плаще, из-под которого торчали спортивные штаны с выпуклыми полосками.

Ирина с Викиной матерью поскорее нырнули к нему в «Москвич» (начинался дождь) и отправились колесить по городу. Пока ехали, ББ все цокал и сокрушался, что молодежь не та теперь пошла. Мол, раньше все спортом занимались, книжки читали, а сейчас что? Пиво, дискотеки, от армии бегают.

– Не все, – глядя на слизывающие воду дворники, возразила Ирина Леонидовна. – Да и нормальных увлечений сейчас хватает. Брейкданс, например.

– Да ну. Да не...

ББ пустился аргументировать свое мнение. Ирина Леонидовна напомнила, что прямо по курсу первая точка. Он кивнул и затормозил у видеосалона.

Ирина и Викина мать вышли. Дождь усилился. Перепрыгивая через лужи, они подбежали к серому зданию и заглянули в безжизненные окна. Подергали дверь. Подошел ББ, гулко замолотил по ней своим спортивным кулаком.

– Поехали дальше.

Второй адрес дал надежду: окна мерцали. Но толстый хозяин видеосалона впервые слышал о Вике. И явно это был не тот, кто им нужен. Толстяк пригласил их досмотреть какой-то ужастик. ББ не отказался бы, но надо было ехать.

До третьего видеосалона они добрались через шесть минут, ярко светились задернутые шторы окна, изнутри просачивалась томная музыка.

Им открыл кудрявый детина с толстыми губами. Ирине Леонидовне показалось, что она его уже где-то видела.

– Где Вика? – спросила она, входя.

За ней в салон нырнула Шканина.

Детина попытался загородить им путь.

– Вы кто такие?

Но они уже увидели всё.

На столе над нехитрой закуской (плавленые сырки и шпроты) висела бутылка водки. В кресле, задрав на стол голые ноги, спала Вика. Бесстыдно короткие полы халатика едва прикрывали ее чертову задницу. А напротив другая задница, уже совершенно неприкрытая, маячила на выпуклом экране телевизора. Там лоснилась и пузырилась киношная оргия.

– Ах ты паразит! – прогрохотал в дверях ББ.

Толстогубый попытался скрыться через второй вход, но физкультурник быстро его настиг. Увернулся от кулака и опрокинул совратителя самбистским приемом. С удовольствием заломил ему руку.

Ирина Леонидовна одернула Викин халат. Та даже не шевельнулась, была чудовищно пьяна. Ее мать кинулась к ней с причитаниями – Викуля, золотце, ну что ж это такое...

А Борис Борисыч тем временем ввинчивал скулящему эротоману в самое ухо:

– Ну ты и гад. У меня друг в милиции, устроит тебе сладкую жизнь, мало не покажется. – И тихо прибавил: – Слышь, парень, где такое кино достал?

Fructus temporum

27 октября 1989. Выпуск программы «Взгляд»

В телепрограмме "Взгляд" выходят сюжет «Как Вы относитесь к кооперации?» и фрагмент документального фильма «Каждому по труду». Показаны телеопрос «Может ли кооперация вывести страну из экономического кризиса?» и репортаж о митинге против кооперации в Лужниках.

9.

Пролетели три дня. Вика Шканина как ни в чем не бывало ходила в школу. Хотя нет, кое-что изменилось. Она стала вести себя вызывающе. Норовила дерзить. Ирина Леонидовна пропускала это мимо ушей.

А потом грянул гром. В тот день Ирина устала адски – выдержала набег безликого, как кагэбист, посланца из района, который, словно неживой, отсидел на задней парте три урока. Затем дома пришлось проверять сочинения у двух классов. Голова пухла от одних и тех же шаблонных повторялок: "Образ Печорина говорит нам о типичных чертах русского дворянства первой половины 19 века, неспособного к реальному делу и к настоящей борьбе..."

"Борьбе с кем? За что? Почему они это пишут? – морщилась Ирина Леонидовна. – Но ведь не придерешься. Ведь это мы сами их этому научили. Мы вбили в их несчастные головы всю эту муть".

Она так устала, что не пошла в душ и завалилась спать не раздеваясь. Но не успела погасить свет и преклонить голову на холодную подушку, как в дверном проеме призрачно замаячила фигура отца. Он стонал и поскуливал.

– Ирочка, мне плохо. Встал в туалет и чуть не упал. Голова кружится, язык еле ворочается.

Ирина зажгла свет и с испугом посмотрела на трясущегося родителя. Усадила его на свою кровать, померила давление.

– 180. С ума сошел!

Словно это он сам себе нагнал, накачал.

Вызвали скорую. Врачи затвердили про госпитализацию, отец уперся, что никуда не поедет. Они сделали ему укол магнезии и прописали лекарство.

Когда скорая уехала, Ирина и отец долго не могли уснуть. Она поглаживала его руку. Как вечность, тикало время. Они говорили, говорили. Слова лились, как текущая вода, сами собой – о прошлом, о будущем, о неопределенном настоящем. Он всегда избегал разговоров о ее личной жизни и возможной семье, но сейчас в намеках и экивоках подобрался к этой теме. Рассеянно завздыхал о пустоте в доме, о бессмысленности жизни, в которой нет главного.

Он отчаянно сжал ее руку. Ее это испугало.

– Может, ты зря отказался поехать в больницу?

Отец замотал головой:

– Мне уже хорошо. Нехорошо в другом месте.

Он приложил руку к груди. Она поняла, что он имеет в виду.

К ним, помахивая хвостом, подошел Ким. Начал лизать по очереди руки...

Утренний будильник словно подорвал ее гранатой. Но она тут же снова провалилась в сон.

Очнулась лишь через час, после бодрого чирикания отца.

– Ирочка, ты на работу не опоздаешь? Здравствуй, страна геро-оев!..

Как будто не к нему ночью приезжала скорая.

Она полоумно уставилась на часы. Стрелка подползала к восьми.

– Боже мой, через десять минут у меня урок! Ким, хоть бы ты разбудил.

Растянувшийся на ковре ирландец и ухом не повел, лишь философски приподнял веко. Умный паршивец дал понять, что здоровый сон – высшая ценность по сравнению с каким-то там уроком...

На третьей перемене ее вызвали к начальству.

– Коняева рвет и мечет, – доложила дежурная по школе, миловидная девятиклассница, у которой были хронические проблемы с запятыми.

Ирина почему-то решила не спешить. Расчесала густые волосы, отбросила их назад. Неторопливо сложила стопку контрольных по русскому языку. Забросила на плечо сумку и вышла из класса.

Завуч по учебной работе Вера Ивановна Коняева была классической школьной сволочью. Она, как курок, постоянно находилась на взводе, и разряжалась по малейшему поводу. Это была машина по производству ора. Хотя и в минуты затишья она была ненамного милее.

Ее густо напوماженные губы всегда брюзгливо подергивались. Несимпатичное лицо венчала шапка проволочных волос – этакая стоячая куча. Коняева была низка, но крепко сбита, как лошадь-тяжеловоз. Ее короткие ноги грубыми обрубками торчали из-под бурой юбки.

– Вера Ивановна, звали?

Ирина отчаянно попыталась придать голосу оттенок ласковости. В душе она надеялась, что в кабинете будет кто-то еще. Но Коняева была одна. Она нетерпеливо вышагивала по своему кабинету.

– Наконец-то! – саркастично всплеснула она руками. – Сколько я должна вас ждать?

– У меня был урок.

– Он давно закончился!

Ирина решила помолчать. Авось дура выкричится, осипнет, и тогда можно будет под благовидным предлогом (занятия же) закруглить беседу.

Но вскоре стало понятно, что быстро вырваться из этих лап не удастся. Коняева задолонила про дисциплину на ее занятиях, про успеваемость.

– На каждом совещании – Хаплов и Овчаренко, Хаплов и Овчаренко! Постоянно срывают ваши уроки! Когда наконец вы соизволите навести порядок?.. Я уже молчу о вашем пятом А! Он совсем отбился от рук. Особенно вызывающа эта история со стенгазетой. Этот ваш так называемый редактор, как его...

– Маляренко.

– Маляренко! Это же ужас какой-то! Эти его скрещенные флажки – форменное издевательство! И это стегназета к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции! А если бы её увидел кто-то из районо?

– А что не так во флажках?

– Вы еще спрашиваете?!

Завуч вышла на проектную мощность ора, который полился потоком.

Ирина покосилась на часы. Её урок уже давно начался, а Коняка только входила в раж. Ирина постаралась подумать о чем-то хорошем. Например, о том, куда они с Кимом сегодня пойдут гулять. Давно в парке не были. Надо захватить косточку, потренировать его командам. А то скоро от рук отобьется, нельзя будет с поводка спустить.

Кима ей три года назад подарила подруга. Она уехала на ПМЖ и в слезах притащила Ирине годовалого пса. Ее муж наотрез отказался везти псину в Штаты.

Ким сразу стал в семье своим. Ирина ради него начала рано вставать. Отец баловал его, как ребенка – подкармливал со стола, позволял забираться на диван. Когда Ирина начинала ругаться, он многозначительно вздыхал: "Расходую на него нерастрченную любовь к внукам".

В общем, пса они обожали. Ким был умный, ласковый и почти ничего не грыз. Лишь когда с ним давно не играли, мог прихватить ножку стола. Привлекал внимание.

– Чему вы улыбаетесь?!

Окрик Коняевой вернул её к реальности.

– Это, по-вашему, смешно?!

Перед глазами Ирины Леонидовны трепетало что-то похожее на парус. "Белеет парус одинокой в тумане моря голубом..."

Но это было не в далеком тумане, а близко. Перед ней свирепо реял какой-то листок, который сжимали жирные пальцы Коняевой.

– Полюбуйтесь!

Ирина с недоумением взяла его в руки. Корявый почерк человека, редко излагающего мысли на бумаге.

Я, Шканина Ангелина Васильевна, сообщаю, что моя дочь Виктория Шканина, ученица 9-Б класса, совращена гражданином Дамбовым, ввиду чего находится на третьем месяце беременности. Виновная за это, помимо гражданина Дамбова, считаю, что учительница русского языка и литературы Стриж И.Л.

Ирина поморщилась.

– Что за чушь?

– Это я у тебя хочу спросить!

– Ничего не понимаю.

Коняева вырвала листок.

– Что у тебя с этой Шканиной? Ты в ее классе уроки ведешь?

– Веду. Но при чем здесь я? У них Фролова классная.

– С Фроловой я разберусь. Ты за себя говори. Как это все понять?

Коняева снова затопала и закричала, Ирина плохо воспринимала. Перед глазами расплывалось скуластое лицо Викиной мамы, затравленной жизнью тетки. Что это ей взбрело в голову? Зачем?

Она вздрогнула. Теперь Коняева трясла перед ее носом знакомой толстой тетрадкой. Загнутый уголок, перламутровая обложка в узорах.

– А вот это, уважаемая Ирина Леонидовна, совсем из ряда вон! По этому поводу, милая моя, не то что на школьном педсовете, но и на городском можно вопрос поднять...

Коняева пыхла, вздымая барельефный бюст, будто штангист перед решающим рывком снаряда.

Ирина густо покраснела. Это был ее личный дневник. Как он попал к этой мымре? Она заглянула в свою сумочку, ощупала вещи. Дневника не было.

Ее мысли, самые сокровенные чувства измяло своими погаными пальцами-червяками это существо.

– *Какое счастье – любить своего ученика, любить по-настоящему, как в великих романах*, – прокрякала завучиха, саркастично цитируя ее дневник. – А-я-яй, Ирина Леонидовна, не ожидала от вас такого. Чего-чего, но тако-ого!

Коняева с видом святоши воздела руки.

В голову Ирине словно молотом ударили. В висках застучало часто, секундомерно.

– И я от вас такого не ожидала, Вера Ивановна, – сказала она. – Я всегда знала, что вы...

– Ну-ну, договаривайте. Вы же у нас такая откровенная! Особенно в мечтах об утехах со своим учеником. *Я так и представляю его упругие бедра, худые, но крепкие плечи, от него веет теплом и...* Как там это у вас, эээ, словечко такое... А, вот: *веет теплом и отзывчивостью*. Хо-хо! Подумать только, какая прелесть наша учительница. Дай вам волю, вы у нас в школе содом устройте.

Ирина вырвала у нее тетрадь.

– Товарищ Коняева, теперь ответьте: какой будет ваша плата воровке? Медаль? Рекомендация к поступлению?

Коняевой набычилась. Уперлась в стол, распластав по полированной поверхности жабьи бородавчатые руки.

– Будешь огрызаться, шалава? Да ты ползать у меня в ногах должна, чтобы я тебя простила.

Ирину как ледяной водой окатило. И тут же стало все равно. Легко. Она почувствовала себя так, словно ее выпустили из вонючего барака на свежий воздух.

– Я свободна, – прошептала она.

– Ась? – перегнулась через стол Коняева, приставив к уху ладонь. – Никак прощения просишь?

– Да пошла ты!

Ирина выскочила из проклятого кабинета. За дверью рванулся кобылий топот – Коняева неуклюже столкнулась со стулом. Дебилка, похоже, решила ее преследовать.

Ну что ж, давай. Ирина ухватила увесистый дырокол с пустующего стола секретарши и плотно насадила его на дверную ручку. Заблокировала дверь намертво. Она затряслась, завибрировала. Коняева ломилась на волю, истерично кудахтала:

– Открой, сволочь!

Но Ирины в приемной уже не было. Она направлялась на четвертый этаж, где у десятого Б шел урок алгебры.

Миновав стенд «Навстречу 45-летию Великой Победы», у кабинета математики она замедлила шаг. Еще раз перепроверила свои ощущения.

Заглянула в кабинет. Тучная математичка Нина Васильевна, похожая на конферансье из «Обыкновенного концерта», вопросительно отняла мел от доски.

– Прошу прощения, Нина Васильевна.

Ирина быстро окинула взглядом класс.

– Наталья, выйди на минуту. Да не Гудкова, – остановила она смуглую дылду, вечную троечницу. – Ласкина!

Дернув стрекозиными ресницами, комсорг класса Наташа Ласкина изящно выпорхнула из-за парты.

Аккуратно прикрыв дверь в класс, она уставилась на Ирину Леонидовну. Заправила за ухо светлую прядь. От нее вкусно пахло мятной жвачкой.

– Ты ничего мне не хочешь сказать?

Девочка изобразила удивление.

Ирина Леонидовна вытащила из-за спины тетрадь со своим дневником.

– Зачем, Наташа?

Шея школьницы пошла розовыми пятнами. Она тяжело задышала, дернулась в класс.

– Постой! – Ирина схватила ее за руку. – Это ради медали?

– А вам какое дело? – окрысилась Ласкина.

Ирина оттолкнула поганку.

– Пошла вон.

И поспешила назад. Мимо все того же стенда «Навстречу 45-летию...». Мимо бункера военрука по кличке Челюсть, где тот, по слухам, прятал старые книжки, восхвалявшие генералиссимуса. Она с ненавистью бахнула кулаком по стальной двери бункера. Да пропадите вы все!

Стремительно сбежала на первый этаж, распугивая, как голубей, редких прогульщиков уроков. Влетела в канцелярию.

Через две минуты на столе белело ее заявление об уходе.

Fructus temporum

9 февраля 1989, письмо девятиклассницы в «Учительскую газету»:

«Я – старшеклассница, закончила девять классов. Что мне дала школа? Я вот сравниваю с образованием Джейн Эйр и героинь других романов – эти девушки умеют всё: культурно разговаривать, вести себя в обществе, за столом. Умеют хорошо рисовать, вышивать, играть на музыкальном инструменте. Знают иностранный язык.

Что умею я? У нас были уроки труда, но я не умею шить. У нас были уроки музыки, но я не знаю даже музыкальной азбуки. У нас были уроки рисования, но я не умею хорошо рисовать. У нас есть уроки французского, но я не знаю так хорошо этот язык, чтобы читать или говорить на нём. Я не умею танцевать. Я не умею пользоваться столовыми приборами (в столовую у нас в школе галопом бегут). Я не могу в обществе свободно говорить о литературе, о музыке, об искусстве. Вы подумаете, что я неуч. Нет. Я хорошистка. Имею четвёрки и пятёрки. Но почти все мы такая серость.

Я не знаю, что я могу предложить. Но я бы не такого хотела получить образование. Я поступлю в институт, но и после его окончания получу диплом – кусочек бумаги и всё».

10.

Дорогой, милый Ясик! Извини, я целых две недели не писала. Ну, правда, не было времени. Просто совсем. Семинар за семинаром, а тут еще коллоквиум свалился. К тому же я хочу поднапрячься, чтобы сдать зачеты автоматом и приехать к тебе на присягу. Вот!

Да, и еще я хожу на гитару (я тебе писала). Семен прекрасный учитель и замечательный человек. Меньше чем за месяц я уже освоила все азы. Пальцы затвердели, появилась крепкая хватка на аккордах. Семен говорит, что я очень способная, и вообще умница. Представляешь? Вот только к Цюю и бардам он меня совершенно не подпускает. Требуется развивать беглость – отсюда упор на переборы и классику. Я уже могу довольно сносно пропиликать «Серенаду солнечной долины» и "Шербургские зонтики». Но я пока еще ребенок рядом с Семеном! Слышал бы ты, как он выдает «Джисси Кингс»! Просто Бог.

А еще Семен потрясающий эрудит. Он знает все – о природе, о физике и химии, вообще о мире. И еще, мне кажется, он обладает сверхспособностями. Например, недавно он внимательно изучал мои ладони и зрачки. И посоветовал поменьше есть углеводы. Я его послушалась и перестала есть хлеб. И представляешь, стала лучше себя чувствовать! Головные боли ушли, утром встаю бодрая, сил полно.

Кстати, завтра ровно месяц, как я стала заниматься с Семеном. По этому случаю он обещал угостить меня настоящим французским вином! Где он его достал? Я просто балдею! Даже удивляюсь, почему он до сих пор не женат. Ему ведь уже 30 лет. У него черные усы и красивая спортивная фигура. Уверена, у него множество поклонниц.

Как ты, Ясенька? С тобой все хорошо? Скучаю без тебя.

Ой, опять мать не вовремя зовет! Ну что там еще?

Ладно, закругляюсь...

Ярослава накрыла тоска. Затуманила всю душу. Как в кисельной мгле, бродил он среди чужих людей, словно путник, заплутавший в дремучем лесу среди незнакомых деревьев. Была б воля, Ярослав вышел бы из казармы и пошел, куда глаза глядят.

Но предаваться унынию было некогда. Он вытащил из тумбочки иголку с ниткой. Надо было пришить белый подворотничок.

Перед ним возник сержант Боков.

– Боец, сгоняй в лабаз за сигаретами.

"Лабазом" все называли магазинчик на территории части. В нем можно было разжиться продуктами и кое-какой бытовухой вроде мыла, ваксы и сигарет.

Боков сунул ему рубль, мятую бумажку цвета жухлой листвы. Ярослав попытался увильнуть.

– А если меня остановят?

– Не остановят. Сегодня день рождения у начштаба, почти все шакалы-офицеры там.

– А если нарвусь на дежурного?

– Это твои проблемы, боец, – начал терять терпение Боков. – Время пошло!

Пришлось отложить шитье. Одевшись, Ярослав выскочил на улицу.

Влажные сумерки повисли среди угловато-бездушных казарм. На улице, насколько хватало глаз, никого не было. Похоже, все офицерье и впрямь загуляло на именинах начальника штаба.

Путаясь в длиннополой шинели, Ярослав зарысил от казармы к казарме, от курилки к курилке. На всякий случай держался поближе к разлапистым елям и агитационным стендам. Он удачно преодолел путь до лабаза. Купил Бокову сигареты, а себе пару тетрадок и несколько почтовых конвертов. Сунул все это в приемистый карман шинели и отправился обратно.

Впереди было открытое пространство между магазином и казармой. Он его почти покрыл, когда дверь штаба отворилась, и в проеме блеснули хромовые офицерские сапоги.

Уже нырнув в строй между елками, Ярослав беспокойно оглянулся: заметил?

Офицер сбежал по ступенькам и скорым шагом направился в его сторону, на ходу оправаля повязку дежурного. Похоже, засёк. К тому же Ярославу показалось, что это его родной

начальник, командир четвертой роты Зотов. Неприятнейший тип. Только этого еще не хватало!

Рвать к казармам было нельзя – пространство там хорошо просматривалось. Ярослав метнулся в сторону спортплощадки. Побежал вдоль турников, обернулся.

Фигура офицера неотступно маячила сзади. Теперь Ярослав уже не сомневался, что это его ротный. Он на скорости обогнул спортплощадку. Впереди тянулся спортгородок, за ним серел забор части. Проломившись сквозь кусты, Ярослав очутился на полосе препятствий. Их роту уже гоняли по ней несколько раз, и Ярослав до сих пор ощущал нытье в боку от падения в двухметровый ров. Он миновал лабиринт, проскочил мимо щита, перепрыгнул через бревно.

Хруст веток за спиной возвестил, что Зотов преодолел шеренгу кустов. Ярослав тем временем добежал до того самого злосчастного рва. Хотел промчаться мимо, но на скользкой земле правая нога предательски поехала. Он не успел даже ахнуть, как его сволокло в яму, словно чьи-то длинные руки потянули за полы шинели.

Он уткнулся лицом в мокрую листву. Услыхал где-то поблизости торопливые шаги, частое дыхание погони.

– Боец? – булькнул голос Зотова.

Ярослав пополз к невидимой стенке ямы, уходящей под землю. И с удивлением обнаружил, что никакой стенки нет. Он двинулся дальше, стараясь передвигаться бесшумно. Полз и дивился бесконечности хода. Неужели их делают такими длинными? Интересно, зачем?

Минуты две он полз по этому неожиданному тоннелю. Его никто не преследовал. Наконец он уперся в земляную стену. Тяжело дыша, прислонился к ней.

Решил выждать. Вылезать было опасно – Зотов мог караулить где-то рядом. С другой стороны, долго торчать в этой дыре не хотелось. Да и Боков там уже заждался своих сигарет. Сейчас, небось, люгует – десять минут прошли, а бойца все нет.

Хотелось отмахнуться от этих противных мыслей. Задремать, привалившись плечом к липкому суглинку.

Ярослав запахнулся поллой шинели и начал поклевывать носом. Затрепетал солнечным зайчиком легкий сон: лето, гулкий звук футбольного мяча (или ковровой выбивалки?), трепет девичьих юбок на ветру...

Чьи-то деловитые голоса смахнули покрывало зыбкого сна. Они бубнили где-то совсем рядом. Ярослав припал ухом к земляному тупику.

Слова звучали приглушенно, но вполне различимо.

– Давайте не терять времени, уважаемый Баши-Заде. Пока эти придурки пьянствуют, нам нужно решить все вопросы, – слышался басок, показавшийся Ярославу знакомым.

– Согласен с вами, дорогой Виктор, – колыхнулся в ответ бархатный кавказистый баритон. – Ваши условия?

– Вы привозите деньги, мы отгружаем вам технику, автоматы и горючее. День в день.

– Э, так не пойдет, дорогой. Мы должны убедиться в исправности техники. В прошлый раз один танк оказался дефективным, у двух БТРов не хватало запчастей. А автоматы...

– Уважаемый Баши-Заде, к чему перечисление этих мелких недочетов?

– Дорогой Виктор, мы должны проверить всю технику. Только после этого будут деньги.

– То есть?

– Пятьдесят процентов мы платим сразу, одновременно с поставкой техники. Остальные пятьдесят – потом, после проверки.

– Не согласен, не согласен, – встрял в разговор третий, носоглотно-гайморитный. – Мы рискуем, мы рискуем...

– Ваня, погоди! – прервал его басистый Виктор.

Повисла пауза. Там, за земляной стенкой, несколько минут ничего не происходило. Ярослав уже думал ползти восвояси, но голоса вновь зазвучали.

– Прошу прощения, один дурак прапорщик спьяну заблудился. Пришлось отвести куда надо, – рокотнул Виктор. – Итак, вернемся к нашему разговору. Я согласен... Вернее, мы с Иваном Демьяновичем согласны на пятьдесят процентов. Но не одновременно с поставкой техники, а – до. Остальная половина – после проверки. Согласны? Или бьем по рукам, или мы найдем других покупателей. Слава Богу, горячих точек сейчас хватает. В конце концов, можем толкнуть весь арсенал вашим противникам. Тот же Ашот танки и БМП со всеми потрохами купит, еще и за доллары. Будете потом от наших Т-64 драпать! Ваня, скажи?

– Согдасен, согдасен, – поддакнул гайморитный.

– Ладно, договорились, – нехотя сдался кавказец. – Через восемь... Нет, через девять дней половина суммы будет.

– Добро, тогда встречаемся здесь же. О дне и времени мы вам сообщим.

Послышался шорох, звуки шагов, и все стихло.

Подмерзший Ярослав пополз из тоннеля. Осторожно выглянул из ямы.

Никакого Зотова не было. И вообще ни души.

Fructus temporum

1989 год. Смерть моды

Американский фотограф Ричард Аведон зафиксировал «смерть моды», сняв для журнала «Эгоист» Изабель Аджани. На снимке знаменитая запечатлена в старой поношенной дублёнке самого фотографа, прикрывающей голое тело.

11.

– Больных? Ты уверен?

– Кто еще повторяет слова, как дятел? Да и голос его – тягучий, как будто нос заложен.

– Как его называли?

– Ваня и Иван Демьянович.

– Проверим. А ты никому ни слова. И вообще забудь об этом.

Голый по пояс Игорь поднял бритвенный станок и заскреб лезвием по щеке. Над его локтем упругим яблочком катался бицепс.

Рассказ приятеля его словно и не удивил. Ярослав даже насупился. Встряхнув выстиранную шинель, он отправился с ней в сушилку.

Близился час отбоя. Роту загнали в ленинскую комнату на обязательный просмотр программы «Время». На экране чопорные мужчина и женщина по очереди рассказывали о ситуации в стране и мире. Сессия Верховного совета. Волнения в Румынии. Нельсон Мандела готовится выйти из тюрьмы.

Когда дошли до столкновений в Нагорном Карабахе, Ярослав вздрогнул. В памяти толчком всплыл вкрадчивый голос закупщика оружия, таинственного Баши-Заде. И вслед за ним прицепом потянулся бас некоего Виктора. Уж больно он был характерен – рокошущий, с раскатистыми гласными и твердо-пушечным, взрывным «п». «Пятьдесят процентов мы платим сразу. Остальные пятьдесят – потом, после проверки».

Черт! Это же...

В мозгу словно сигнальная ракета взвилась и все осветила. «Майор Караваев», – вспомнил Ярослав.

Пригодился музыкальный слух.

Это был тот самый Караваев, который недавно на собрании так распинался о коварной границе. Рокотал о происках мирового империализма и американской угрозе. О необходимости крепить ряды и вострить штыки.

Как это совмещалось? Как один и тот же человек мог патриотично лупить себя в грудь – и в то же время торговать родиной?

У Ярослава это в голове не укладывалось. В сознании все искажалось и переламывалось, словно на репродукциях супрематистов, которые повадились публиковать в "Огоньке"...

Утром в казарму прибежал парень из штаба и сообщил, что на роту пришло несколько посылок. Среди выкрикнутых фамилий Ярослав услышал свою.

После завтрака счастливых парней построили и отвели на почту. Выдали им посылочные ящики. Обжора Беяев, словно голодный пес, кинулся обнюхивать фанеру вибрирующими ноздрями.

Ярослав улыбнулся, прочитав в квитанции домашний адрес. Он уже представлял, как неспешно вскроет родительскую посылку, как вытащит из нее тетрадки и книжки, теплые шерстяные носки, бережно уложенную белую ткань для подворотничков. И, наконец, еду.

«Что там, пряники, конфеты?» – фантазировал он в такт строевому шагу, прижав ящик к шинельному бедру. Сгущенку он боялся представлять, дабы не спугнуть видение.

Узбек Кулиев тоже крепко зажал посылку под мышкой. Шел в строю, сурово насупясь, словно у него там были змеи. Рядом с ним со своим ящиком шагал Игорь Кочеров – ему на этот раз тоже выпал счастливый билет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.